

**Военные
Приключения**

ЗАГАДОЧНЫЕ СВИТКИ

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Сергей Иванович Бортников

Загадочные свитки

Серия «Военные приключения (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70020517

*Загадочные свитки:
ISBN 978-5-4484-8947-1*

Аннотация

Красная армия доламывает хребет фашистской гадины. Дипломированный советский философ и в то же время секретный агент НКГБ Ярослав Плечов и академик Мыльников направляются в нейтральную Швецию, чтобы найти и вернуть на Родину исторические ценности, вывезенные за границу вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Вот только этот план совсем не устраивает американского агента Пчоловского, да и «гостеприимные хозяева», как могут, противятся отъезду гостей домой с «демократического Запада».

Новый роман одного из популярных авторов современной остросюжетной и героико-приключенческой прозы, лауреата Литературной премии «Во славу Отечества».

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	55
Глава 8	60
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Иванович Бортников

Загадочные свитки

© Бортников С.И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

*Сергею Николаевичу Полтораку, великому
русскому историку, ПОСВЯЩАЕТСЯ*

У Ярослава Плечова – дипломированного советского философа и в то же время секретного агента НКГБ – очередное и очень необычное задание: найти и вернуть на Родину некие святыни, вывезенные за границу вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. По замыслу чекистов осуществить задуманное агенту Вождя должен помочь проживающий в Ленинграде и имеющий весьма неоднозначную репутацию академик Дмитрий Мыльников, чьи предки (отец и дед) сопровождали в дороге драгоценный груз...

Вот только проблемы возникают еще до того, как Плечов попадает в Северную столицу: в Москве Ярослав устанавливает, что кто-то очень интересуется не только им, но и многими людьми, с которыми он общается.

И в городе Ленина, куда Плечов и его напарник Николай Альметьев добираются водным путем, продолжается цепь странных и даже тревожных событий. В квартире шофера

Семена Пашуто, где планируют остановиться агенты НКВД, укрывается неизвестный, после «встречи» с которым юнга Василий, сопровождавший гостей из Москвы по Ленинграду, попадает в госпиталь. Да еще Ярослав Иванович совершенно неожиданно для себя встречается с бывшим сослуживцем Пчеловым, который давно уже числится в списках покинувших этот бранный мир. Вдобавок оказывается, что Пчелов работает на пока еще вроде союзников СССР. Ну а жена Пашуто Прасковья рассказывает, что ее соседка по квартире пропала невесть куда...

Главной цели поездки тем не менее достигнуть удастся – Плечов сумел установить контакт со строптивым академиком Мыльниковым, который глубоко уважал научного руководителя Ярослава профессора Фролушкина.

Командировка подходила к концу. И секретный сотрудник решил подвести ее итоги:

«Ну и чего же ты, Ярослав Иванович, добился? Суть задания вроде бы ясна... Вот именно – вроде бы... Похоже, есть еще какие-то подводные камни...

В идеях “блаженного академика” более-менее разобрался. Кое с чем можно согласиться, со многим поспорить. Но чем его мысли так заинтересовали руководство? Опять же до конца не понятно...

Контакт с Мыльниковым установил. Похоже, хороший контакт, несмотря на все особенности характера Дмитрия Юрьевича. Это плюс...

Выяснил, что ценности, которые так интересуют начальство, реально существуют. Еще один плюс. Еще бы понять, как их заполучить...

Но есть и минусы. Прежде всего – неожиданно воскресший из небытия Пчелов, он же Дибинский, он же Пчоловский. И именно эту фамилию произнес один из гостей Мыльников...

Очень жирный минус. От прохиндея бывшего сослуживца можно ожидать любой пакости. И нужно ожидать...»¹

¹ Подробнее см.: *С. Бортников. Необычное задание*. М.: Вече, 2023. (Серия «Военные приключения»).

Часть первая

Глава 1

Тихонько насвистывая что-то довоенное и давно вышедшее из моды, Плечов покинул ванную комнату и столкнулся в коридоре с владельцем квартиры, который тоже с обнаженным торсом и перекинутым через плечо новеньким, идеально белым вафельным полотенцем неспешно брел по коридору.

– Доброе утро, – поклонился Ярослав. Очень вежливо и, пожалуй, даже подобострастно. – Как спалось?

– Нормально, – деловито пробасил в ответ Мыльников, с любопытством оглядев сотканное из сплошных мышц тело молодого коллеги. – Мы тебе не мешали?

– Нет.

– Старый друг наведася, – попытался вкратце объяснить за казусы вчерашнего вечера Дмитрий Юрьевич. (Вышло как-то уж слишком неуверенно, натянуто и поэтому не очень убедительно.) – Ну не выгонять же его на улицу...

– Нет, конечно, – мысленно отмечая некоторую нервозность, появившуюся в поведении маститого оппонента, улыбнулся секретный сотрудник и сразу же перевел разговор в другую плоскость. (Ну, не хочет академик откровенничать

– значит, так надо!) – Я там похозяйничал немного...

– В каком смысле?

– Без вашего позволения повесил на веревку свои носки.

– Надеюсь, постиранные? – с подозрением покосился на него чистюля Мыльников.

– Так точно! – привычно ответил агент Вождя.

– Гут. Я сам часто так делаю. – Хозяин наконец-то протиснулся в только что освобожденное гостем помещение и уже оттуда спросил: – Ты куда-то собираешься?

– Да.

– И что, даже не позавтракаем вместе? – Дмитрий Юрьевич наполовину открутил вентиль крана и, дождавшись тугой упругой струи, уставился в глаза Ярослава.

– Нет.

– Ну хоть чайку-то попьем, – предложил «гений философской мысли», но Плечов был непреклонен:

– Увы, не получится. Когда вернусь, с удовольствием.

– Понял. Ты надолго уходишь?

– Как получится, – предельно лаконично ответил Ярослав, предпочитая не связывать себя какими бы то ни было обязательствами.

– Ладно. Беги, – согласно кивнул академик. – Но к обеду постарайся вернуться. Ибо я удумал приготовить одну «вкусняшку», поесть которую в одиночку советскому человеку как-то «не фонтан».

– Заманиваете?

– Ага! – признался Мыльников.

Глава 2

В доме на Карповке – все по-прежнему. Будто ошалевшее от ненависти время докатилось до пресловутого питерского «колодца» и, упершись в его стены, остановилось, застыло, замерло.

Хотя, если подумать, чего вдруг за считанные дни тут что-то должно было измениться?

Прасковья уже хлопотала на общей кухне, а Альметьев все еще почивал в комнате Татьяны (пропавшей соседки), досматривая сладкий утренний сон. Его мощнейший храп был слышен не только в коридоре, но и за входной дверью квартиры № 18.

– Подъем! – нарочито строго (и главное – громко!) рявкнул Ярослав. – Стройся!

В ту же секунду «друг юности суровой» вскочил на ноги и, ни слова не говоря, принялся натягивать давно не глаженные брюки классического кроя, до того мирно висевшие на спинке стула.

– А, это ты... – Николай наконец осознал, что его тело находится не в армейской казарме, а в заштатной ленинградской коммуналке, и сразу умерил свой пыл.

– Сегодня поутру у нас запланирована одна важная встреча. Али ты о ней запамятовал, братец? – продолжал нагнетать обстановку Плечов.

– Сколько у меня времени? – деловито поинтересовался Альметьев.

– Полчаса по любому еще есть. Достаточно, чтобы привести себя в порядок: помыться-побриться и даже похлебать немного кипяточку.

– Стоп. Тогда... Куда ты так гонишь?

– Вперед, – дал «исчерпывающий» ответ агент Вождя.

– Понял! – с улыбкой согласился Альметьев, давно привыкший к такой манере общения.

После этого он почтительно поздоровался с «разлюбезной хозяйшкoй» (так Николай иногда называл Прасковью) и быстро скрылся за дверью ванной комнаты.

Тем временем Ярослав, прислонившись спиной к холодной, давно не крашенной стене, удобно расположился на обычном кухонном табурете и завязал с Паней шуточный разговор:

– Ну, рассказывай, красавица, как дела?

– Отлично! – не отрываясь от плиты, жизнерадостно сообщила Пашуто.

– От остальных отлично или на самом деле?

– Нет... Правда, хорошо!

– Как Колька? Не пристававал?

– Ага... Счас, – рассмеялась хозяйка. – От него дождешься. Эту ледышку не сможет растопить никакое пламя.

– Пыталась?

– Ну что вы такое несете, товарищ профессор? – постре-

ливая бирюзовыми глазками, натянула обиженную гримасу на миленькое личико утренняя собеседница. – Я – женщина замужняя. Стойкая.

– Да. Повезло Сеньке. Подфартило. И красивая, и умная, и верная, – констатировал Плечов.

– А он, собака, не ценит! – развела руками Прасковья и добавила с укоризной: – Выпивает. Покуривает.

– Хорошо, хоть не погуливает, – как мог, успокоил хозяйку наш главный герой. – Ничего. Будет и на твоей улице праздник.

– Позвольте узнать – когда?

– Как только закончится война. Детишек нарожаете. Квартиру отдельную получите... И заживете – душа в душу, как положено самым лучшим в мире людям. Нам, русским! – поспешил описать ей светлое будущее Плечов.

– Твоими б устами да мед пить, – подтвердила свое согласие с такой блестящей перспективой гражданка Пашуто.

– Нальешь? – хитро покосился на нее Ярослав.

– Чего? Медку?

– Нет. Обещанной наливочки. Из черноплодной рябины. Я о ней ни на миг не забываю. А как вспомню – слюнки рекой текут, орошая растительность на груди!

– С утраца нельзя.

– Понимаю, – печально вздохнул Плечов. – И принимаю. Но жду реальных предложений.

– Сегодня. После обеда.

- Здесь продегустируем или с собой возьмешь?
- Что ты имеешь в виду? – не поняла Прасковья.

Пришлось объяснить:

- Ужинаем сегодня на Большом.
- Хочешь угостить академика? – предположила хозяйка.
- Так точно, – кивнул Ярослав.
- Что ж. Я всегда «за».

* * *

Шниперзон оказался высоченным (за метр девяносто) мужчиной с широкими плечами и не в меру тощими ножами, путающимися в свободном галифе. Выпученные глаза его излучали если не глубокую тревогу, то, по крайней мере, какую-то плохо скрываемую нервозность или, если хотите, внутреннюю обеспокоенность, озабоченность – точно. Вероятно, он просто не знал, чего можно ожидать от этих двоих, и заранее пришел к выводу, что в любом случае – ничего хорошего.

Еще бы!

От выполнения основных служебных обязанностей оторвут... Факт? Факт!

Новыми делами загрузят. А как же? Непременно!

И к бабке не ходи: голову заморочат, фронт работ расширят, а денег больше, как это всегда бывает, не заплатят. И даже спецпак – хотя бы на время! – никак не увеличат. Конеч-

но, он не прочь немного подсушиться, так сказать, за идею... Но сколько можно?

– Зачем звали? – Изя свысока смерил взглядом агента Вождя, значительно уступавшего ему в росте, и в ожидании ответа впихнул в рот тощую, как он сам, папироску; однако прикуривать ее не стал. Пока.

– Мне нужно немедленно связаться с комиссаром Копытцевым! – приказным тоном пояснил Ярослав, таким образом четко давая понять, кто здесь главный.

– А чем вам не нравится посредничество нашего общего друга? Я имею в виду Николая Петровича, – не смирившись с такой дискриминацией, недовольно процедил сквозь желтые зубы ленинградский чекист и щелкнул трофейной зажигалкой, выдавливая из нее едва тлеющее тусклое пламя, которое он не замедлил поднести к набитой табаком папиросной гильзе. – Начальство предупреждало, что по ходу дела я буду иметь дело исключительно с ним и только с ним – простите за сплошную тавтологию.

– Вам даже такие слова знакомы? – как-то не по-доброму покосился на коллегу Ярослав.

– Я филолог по первому образованию, – сухо огрызнулся тот.

– Боюсь, что вы неверно истолковали указания руководства, товарищ филолог. Отныне и до окончания операции вы поступаете в мое распоряжение. Вам все понятно? – рубанул Плечов.

– Так точно! Но...

– Никаких «но», как тебя там по батюшке? – жестко развеял все его сомнения агент Вождя, как-то незаметно переходя к более демократичной форме общения – на «ты».

– Соломонович, – обреченно выдохнул Шниперзон.

– Значит так, дорогой Израиль Соломонович. Телефонная связь в квартирах трудящихся еще не налажена. Хочешь – не хочешь, придется следовать в твои хоромы и соединять меня с Москвой. Ясно?

– Так точно...

– Я, конечно же, отчетливо осознаю всю сложность нашего общего положения и еще до конца не знаю, как ты будешь объяснять командованию необходимость столь рискованного шага, однако могу заверить, нет, даже гарантировать на все триста процентов, что товарищ комиссар сразу после нашего разговора лично перезвонит твоему непосредственному начальнику и расставит все точки над «i», – перешел на несвойственные ему длительные разглагольствования секретный сотрудник.

– Вы с ним так близки? – усомнился собеседник, краешками глаз продолжая наблюдать за молчавшим все это время Альметьевым.

– Не буду углубляться в суть личных отношений; скажу лишь, что раньше он беспрекословно выполнял все то, о чем я его осмеливался просить, – решил немного набить себе цену Ярослав.

– Даже так? – продолжил выказывать вслух явное недоверие товарищ Шниперзон.

– Именно!

– Что ж... – обреченно кивнул чекист. – Пошли... Только вы останетесь в моем кабинете, пока они не договорятся.

– Согласен! Николай, как я понимаю, нам пока не нужен?

– Нет.

– Свободен, братишка, – распорядился Ярослав и, внимательно посмотрев на своего товарища, добавил с улыбкой: – Ублажай пока сестрицу, но черты не преступай.

– Есть! – не стал спорить Альметьев.

– Жду вас на ужин. На Большом проспекте... Мыльников обещал приготовить какую-то, как он ее охарактеризовал, «вкусняшку».

* * *

Короче... Это надо было видеть...

Обалдеть! – выражаясь современным сленгом.

По мере общения Ярослава с комиссаром (целым комиссаром госбезопасности!) лицо Шниперзона десятки, если не сотни раз сменило свое выражение.

И какие только чувства не отобразились на нем всего-то навсего за те несколько минут, что длился телефонный разговор. И удивление, и восхищение, и возмущение, и недоумение, и страх, и радость, и, конечно же, надежда. На то,

что его новый знакомый и вправду – важная «шишка», выполняющая особое задание руководства; а, значит, он – Изя – правильно все сделал, когда предоставил этому подозрительному (на первый взгляд) парню служебный канал связи!

Предусмотрел...

Не сплеховал, не просчитался, не испугался!

Теперь стопудово пронесет, не заденет, не приведет не то что к тяжелейшим репрессиям, но и вообще к каким-либо отрицательным последствиям по службе. Точно!

– Привет, Леха, – тем временем в своей манере начал наш главный герой.

Ответ Копытцева Израиль Соломонович, естественно, расслышать не мог, да и не последовал он еще, но столь очевидная фамилльярность, допущенная в разговоре с высоким начальством, мгновенно успокоила опытного чекиста, настроив в дальнейшем на вполне оптимистичный лад. С тех по его вытянутой и немного туповатой (честно скажем) физиономии неизменно стала блуждать хитроватая и несколько высокомерная – мол, вот он я какой умный! – улыбочка, свидетельствующая о том, что все не так уж и плохо в жизни: настроение улучшается, да и дела-делишки потихонечку налаживаются!

– Как там мои пацаны? – первым делом поинтересовался Ярослав.

– Нормально, – коротко сообщил Алексей Иванович. – Навещаю их раз, а то и два раза в неделю. Пак твой получаю

лично. И оперативно доставляю по указанному адресу... Так что не беспокойся, детки не голодают.

– А Фигина?

– В каком смысле?

– Во всех!

– Приедешь – убедишься, – удовлетворил любопытство соратника Копытцев. – Как по мне, и она не сильно страдает!

– Э-э, приятель... По каким таким параметрам ты это определил?

– У ней на лице написано: все зэр гут!

– А у меня – зэр даже шлехт!² – грустно пожаловался Плечов. – Если так и дальше пойдет, выполнение задания неизбежно окажется под угрозой срыва.

Комиссар, конечно же, сразу догадался, что его лучший друг в очередной раз «прикалывается», или как сказали бы наши с вами современники – «гонит»; поэтому громко рассмеялся, но быстро взял себя в руки и строгим голосом произнес:

– И кто более остальных посмел тебе мешать в нашем благородном деле?

– Один деятель из местной ячейки, которого ты ко мне приставил. Назвать?

– Имен лучше не называй. Так... На всякий случай. Кабы чего не вышло.

– Понял. Короче, он, руководствуясь неизвестно каким

² Sehr schlecht – очень плохо (нем.).

правом, наделил себя статусом главаря нашей банды, и с тех пор меня вообще ни во что не ставит – даже ниже Николаши!

– Опять за свое?

– Как ты его, блин, бестолкового, инструктировал? О чем думал, отправляя меня в лапы такого изувера?

– Виноват. Прости, если сможешь, – продолжая посмеиваться, откликнулся Алексей. – Можешь бить, но только не ногами!

– Ладно, расслабься: на первый раз прощаю.

– Вот спасибо!

– Только – смотри мне – не жуй резину, быстрее принимай положенные меры, дабы исправить существующее положение!

– Можешь спать спокойно: очень скоро я дам все необходимые указания его руководству.

– Поторопись, братец... А то он постоянно держит меня на мушке. Еще в расход пустит, что делать будешь?

– Если с твоей непутевой башки упадет хоть один – самый тонкий – волосок, мы привселюдно посадим его на кол. Прямо на Дворцовой площади. Так и передай!

– Слушаюсь... Или, как там сейчас надо отвечать по Уставу, вроде – «есть»?

– Ты же у нас Главнокомандующий специальной операции. Как скажешь, так и будет правильно!

– Гут. Теперь о делах. Послезавтра отчаливаем. Кэпу брякни – пускай готовит свою колесницу на 12.00.

– Понял. Отправляться будешь с прежнего адреса?

– Так точно.

– Ну давай... До скорой встречи.

– Обнимаю!

Хоть Израиль Соломонович, как и ранее, не слышал ответных слов комиссара, но сразу обо всем догадался. С чем-чем, а с «чуйкой» у него было все на высшем уровне. Ничуть не хуже, чем у нашего главного героя.

– Зачем вы так? – еле выдавил покрывшийся липким холодным потом Шниперзон, когда Ярослав положил трубку на рычаг.

– Насчет чего? – скорчил недоуменное лицо тот.

– Мушки, расхода...

– Да так... Просто... Чтобы ты не расслаблялся! И не чувствовал себя пупом земли. Особенно рядом со старшими по званию.

– Это вы о себе?

– А то о ком?

– Могли бы и предупредить... Заранее... У меня ведь дети...

– Представь себе: у меня – тоже!

– Но...

В тот же миг, не давая ему закончить фразу, дверь неприятно скрипнула и распахнулась. Плечов молниеносно повернул голову на звук. На пороге кабинета стоял начальник Шниперзона. Нет, на его бордовом лице не было написано

ни должности, ни звания, однако то, как вел себя этот невысокий, но чрезвычайно шустрый человечек в ладно пригнанной новенькой форме, ни у кого не могло оставить хоть каких-то сомнений в высоте его служебного положения. С первого – обычно самого верного – взгляда!

– С этой секунды поступаешь в беспрекословное подчинение к этому человеку! – ткнув пальцем в московского гостя, приказал он и обессиленно опустился на подставленный Шниперзоном стул. – Если с ним хоть что-то случится, пойдешь под трибунал.

– Ладно... Вы тут разбирайтесь, а мне пора, – холодно бросил агент Вождя и, хлопнув напоследок облупленной, давно не крашенной дверью, покинул помещение.

Глава 3

Альметьев поджидал Плечова на лавке против неказистого барака, в котором временно разместилось отделение НКВД-НКГБ (современное, шикарное по всем параметрам здание, введенное в строй накануне войны, фашисты разбомбили еще в прошлом году), всем своим внешним видом демонстрируя полное безразличие к происходящему вокруг. И хотя взгляд разведчика в целях маскировки в основном был направлен в противоположную от входных дверей сторону, прозевать момент появления на крыльце своего коллеги по спецзаданию он не имел права. Не для того незаметно следовал за ним.

Сам же Ярослав, как мы знаем, никогда не терял бдительности и поэтому, встретившись лишь на мгновение взглядом с верным другом, никоим образом не подал виду, что они знакомы. И только когда завернул за угол ближайшей многоэтажки, впервые оглянулся.

Николай, что-то весело насвистывая, неспешно брел сзади на довольно-таки приличном расстоянии, часто останавливаясь и рассматривая фасады старинных зданий. Плечов слегка замедлил темп, и спустя несколько минут они наконец-то встретились.

— И что ты здесь забыл? — недовольно проворчал наш главный герой, внимательно посмотрев на напарника.

– Тебя! – искренне сознался тот.

– А я что велел?

– Ублажать Паню.

– Ну и?.. Почему не выполнил приказ? – спросил Плечов.

– Виноват – исправлюсь! – тяжело вздохнул Альметьев и задорно рассмеялся. – Иначе не могу. Ты же меня знаешь, командир.

– А если б я не вернулся в ближайшее, так сказать, время? – с непривычно серьезным видом продолжал «наезжать» на него Ярослав.

– Через час начал бы штурм районного НКВД.

– В одиночку?

– Ну да... Чего стесняться? Сила есть – ума не надо!

– Логично... – не стал развивать тему специальный агент. – Что будем делать? До обеда – времени еще вагон.

– А давай проведем Ваську, – неожиданно предложил Николай. – Душа болит. Как он там один в госпитале? Без заботы, без внимания...

– Это ты хорошо придумал, – одобрил затею Плечов. – Что ж... Веди меня к нему, Сусанин! Дорогу-то хоть знаешь?

– Ленинградцы – вежливые люди. И покажут, и расскажут, и сто грамм нальют. Последнее про них я сам только что придумал. Однако ничуть не сомневаюсь, что при надобности так оно и случится.

– Согласен!

В 1894 году по ходатайству Светлейшей княжны Евгении Максимилиановны, между прочим – самой принцессы Ольденбургской, на базе общины сестер милосердия имени Святой Евгении, в самом сердце Петербурга была открыта лечебница для малоимущих граждан. В 1921 году ей присвоили имя одного из вождей пролетарской революции – Якова Михайловича Свердлова (отсюда, как вы понимаете, и прозвище – Свердловка).

В начале тридцатых годов в больнице стали обслуживать партийных, советских и хозяйственных руководителей Ленинграда и области, а также ветеранов большевистской партии. Поэтому именно здесь были собраны все крупнейшие ученые и ведущие медицинские специалисты «колыбели революции».

Об этом Плечову с Альметьевым сообщила сухонькая старушка, к которой они решили обратиться за помощью.

Старушка с радостью откликнулась и, пока они вместе неспешно добирались до Старорусской улицы, выложила все, что ей было известно об истории искомого медучреждения.

Впрочем, друзья (ученые как-никак люди!) уже знали многое из сказанного попутчицей. Просто не подали виду.

Однако не будем отвлекаться...

Через полчаса ходу они распрощались с отзывчивой старушкой:

– Прощай, бабуля. Спасибо за бесценную услугу!

На пороге медучреждения, прямо под недавно установленной вывеской «Эвакогоспиталь № 51» (раньше, в дни бесконечных бомбежек и обстрелов, ее попросту не могло существовать: всякая информация о медицинской, как и любой другой воинской части, – дело весьма секретное!) – огромный, тучный, но весьма резвый дядька в халате (язык не поворачивался назвать его белоснежным) тербил ухо какого-то паренька, изо рта которого выпала только что прикуренная папироска, и неустанно приговаривал:

– Сколько можно повторять: курить на территории вверенного мне учреждения категорически возбраняется. Не только в помещениях, но и на прибольничном участке!

– Я больше не буду-у-у! – покорно визжал нарушитель порядка, в котором наши герои не без труда узнали своего юного друга.

Уж больно окреп, да что там окреп – располнел Васька за те несколько дней, что он провел без движения на больничной койке. Особенно впечатляли его щеки. Лощеные, сочные, словно надутые, они, казалось, вот-вот могут треснуть.

– Э-э, товарищ, оставьте мальчишку в покое! – без промедления вмешался в ситуацию Альметьев. – Еще уши ему оторвете.

– Ничего. Сразу же и пришьем. Сами. Прямо здесь, на ме-

сте – никуда ходить не надо, – флегматично отозвался дядька, но посмотрел на неожиданных защитников нарушителя весьма недовольно.

– Понятное дело! – поспешил задавить намечающийся конфликт в зародыше секретный сотрудник. – Ведь в Ленинграде и окрестностях всем хорошо известно, что именно в вашем медучреждении собрана целая плеяда выдающихся специалистов высочайшей квалификации. Хирургов. И прочих отоларингологов.

– А вы кто будете, товарищи? – не поддаваясь очарованию откровенной лести, решил проявить далеко не лишнюю в военное время бдительность доктор.

– Дядя Коля! Ярослав Иванович! – раньше тех, кому адресовался этот вопрос, радостно воскликнул избавленный от пыток юный отрок.

– Из Москвы. Командированные, – расписываясь за двоих, поспешил дополнить его ответ наш главный герой.

– Тоже медики? – резонно поинтересовался рьяный последователь Гиппократ и пристально уставился в чистые Ярины глаза. После чего так же тщательно пробуравил испытывающим взором его спутника – Альметьева.

– Никак нет. Представители иного, гуманитарного цеха, – бодро доложил тот.

– Какого именно? – повысил голос рыцарь белого (ну не совсем, как в нашем случае!) халата.

– Философы мы. Из МГУ.

– И документы у вас в порядке? Можете предъявить?

– Естественно!

Плечов взял раскрытую корочку из рук Николая, успевшего первым отреагировать на просьбу военврача, добавил к ней свою, а также хранившиеся во внутреннем кармане командировочные листы, и, улыбаясь, передал документы доктору. Тот лишь мельком бросил на них пристальный, тренированный взгляд, сразу же вернул законным владельцам и представился:

– Виктор Степанович.

– Очень приятно! – откликнулся Плечов.

– Вообще-то мы с Васькой живем более-менее дружно, – миролюбиво пояснил последователь Гиппократ. – Причина такого нервного, прямо скажем, срыва лежит исключительно во мне. Я ведь сам лишь совсем недавно завязал с этой заразой. И с тех пор как только услышу будоражащий душу запах – сразу зверею! Из вас хоть никто не смолит?

– Нет! – спешно заверил Ярослав.

– Вот и славно, – окончательно успокоился строгий эскулап. – К нам по какому случаю?

– Да вот... Интересуемся здоровьем этого самого сорванца, – привычно прибирая инициативу в свои руки, признался секретный сотрудник. – На днях надо отправляться в дорогу, а он на нашем судне – чуть ли не самый главный.

– Можете забирать хоть сейчас. Парень в рубаше родился... Просто крови много потерял. Как видите: отлежался,

отогрелся, отъелся, а теперь еще и к дурной привычке при-
страстился.

– Не переживайте. Мы вдвоем из него эту погань мигом
выбьем, – пообещал Альметьев, прижимая к себе юношу, по
которому он основательно успел соскучиться.

– Не сомневаюсь, – незлобливо пробурчал Виктор Сте-
панович, завистливо оценивая спортивную фигуру собесед-
ника (своя-то давно расплылась-расползлась и даже откро-
венно деградировала!). – Документы на выписку когда гото-
вить?

– У вас еще есть целый завтрашний день. Управитесь? –
добродушно поинтересовался Ярослав.

– Да-да... Непременно... Только я его, неоформленно-
го, потом в таком неопределенном статусе держать долго не
смогу.

– Ну... Совсем немного. Пару часиков. Постараемся при-
быть в первой половине дня.

– Договорились, – кивнул доктор.

– Вот и славно. Хочешь с нами, Василий?

– Еще как! – восторженно отозвался юноша.

– Значит... Послезавтра отчаливаем.

– Ура!

– Не спеши ликовать, сынок. Тебя мы возьмем с собой
только в том случае, если у Виктора Степановича не возник-
нет больше никаких претензий. Все ясно?

– Так точно! – по-военному ответил Васька. Все же прак-

тически военный человек. Юнга!

Но и усилия Виктора Степановича не пропали даром. С тех пор Василий больше ни разу в жизни не прикаснется к табаку. До самого конца своих длинных, славных и светлых дней!

Глава 4

Минут десять подряд друзья поочередно то нажимали кнопку звонка (электричество, пусть и не всегда, но на несколько часов давали в осажденный город Ленина практически каждый день – еще с 1942 года, когда по дну Ладожского озера проложили кабель от частично восстановленной Волховской ГЭС), то что есть мочи колотили в двери восемнадцатой квартиры дома номер двадцать пять по Набережной реки Карповки – и все без результата. Напрасно.

Неприятные мысли (случались уже в этой квартире весьма неожиданные события) старались отогнать, но все же прикидывали, что можно и нужно предпринять.

А когда уже собрались уходить, услышали внизу шарканье ног, быстро переросшее в сплошное громохание – чугунные лестницы в старых петроградских домах пока никто не отменял!

Конечно же, это была она, Прасковья.

– Вот... Бегала за хлебушком, – неловко разведя вроде бы тонкими, но жилистыми и крепкими, как у мужика, руками, пояснила Паня, когда наконец забралась на четвертый этаж и встретилась на лестничной клетке со своими учеными постояльцами. – Давно ждете?

– Часа полтора! – решил немного поиздеваться над барышней Плечов.

Но не тут-то было.

Хозяйка мгновенно приняла воинственную позу (руки в боки, как у всех славянских женщин) и пошла в атаку:

– Ой, не врите, товарищ профессор... Минут сорок тому назад я еще была дома! А вы? Где так долго пропадали, шлендрали-валандались?

– Ваську проводывали, – растерянно выдавил Альметьев, пораженный ее агрессивным видом. Испугался, что ли, грозного потока столь редкостных и малоупотребляемых слов?

– Того мальчика, о котором вы мне рассказывали? Которого ранили? – с несвойственной ей напористостью в мягком и певучем голосе продолжала допытываться гражданка Пашуто.

– Ага...

– И как он? Не шибко пострадал?

– Нет. Уже бегают. И даже просятся в поход, – опрометчиво брякнул Николай.

– Какой еще, черт возьми, поход? Бросить меня надумали? – возмутилась красавица.

– Заметь: это вынужденное решение, принятое на самом верху! – для пущей убедительности ткнув пальцем в небо, принялся исправлять ситуацию Ярослав. – Мы ж люди подневольные... Была б наша воля, мы бы тут возле тебя еще как минимум полгода паслись. А то и больше!

– Причем с огромным удовольствием, – совершенно искренно добавил его напарник.

– И когда запланирован этот ваш отъезд? – сменила гнев на милость Прасковья, постепенно возвращаясь в привычное благодушное состояние.

– Не знаю, – синхронно повели плечами оба «члена научной экспедиции».

– Врете ведь...

– По предварительным расчетам – послезавтра, – признался агент Вождя. – А сегодня у нас по плану прощальный ужин. На Большом проспекте. В квартире Мыльников. С твоим, естественно, участием.

– Откупиться желаете? – недоверчиво покосилась на него хозяйшка, открыв наконец дверь.

– Можно сказать и так, – широко улыбнулся Альметьев.

– Ладно. Уговорили. Я быстренько... Вы тоже заходите, не стесняйтесь, а то стоите как вкопанные – будто не родные. Там, в ванной, кстати, чья-то зубная щетка в стакане и носки на батарее... Смотрите, ничего не забудьте!

– Все равно какая-то мелочишка должна остаться. Дабы еще раз сюда вернуться, – поучительно изрек Ярослав.

– Это уж как получится! – жестко подвела итог словесных прений Паня.

* * *

Конечно же, их ждали.

Квартира академика оказалась не заперта на замок, только

на внутреннюю цепочку. Однако все равно долго никто не открывал.

– Извините, изгваздался³... Пришлось отмываться, – объяснил задержку Мыльников, когда все же соблаговолил впустить в свои роскошные хоромы пришедших.

– Ничего, – дружелюбно улыбнулся Плечов. – Обещанная вкусняшка-то уже готова?

– Не совсем. Еще минут десять – пятнадцать придется потерпеть, – виновато развёл руками академик.

– Меня уже червь гложет – где-то в районе любопытной печени: что же эдакого вы затеяли, чем собрались удивить нас, а, дражайший Дмитрий Юрьевич?

– Секрет!

– Помощь нужна?

– Нет. Сам управлюсь... А вот от Панечкиных услуг отказаться точно не смогу.

– Ради вас я на все готова! – с легкостью согласилась Пашуто.

Мыльников галантно подхватил дамское пальто, поместил его на вешалку и, приобнимая гостью за талию, увел в трапезную. В дверях остановился, повернул лицо к друзьям и снисходительно помахал им рукой:

– Мы вас позовем, когда кончим...

«Чего это он сегодня так расшалился? Или просто волнуется? Послезавтра-то в дорогу...» – мысленно отметил Яро-

³ Изгваздаться – испачкаться (устар.).

слав.

Альметьев тем временем помыл руки и жестом предложил напарнику сделать то же самое.

Плечов сначала подставил под холодную струю лицо (так он делал всегда, когда хотел встряхнуться от усталости), затем намылил ладони, и в этот миг до его ушей донеслось:

– Готово!

Проголодавшиеся друзья заторопились на зов.

– Что-то больно быстро вы кончили, Дмитрий Юрьевич, – уже в трапезной поддел старшего коллегу-философа наш главный герой, созерцая стол, в центре которого возвышалась немалых размеров посудина, напоминающая поднос с увеличенными бортами, от которой исходил легкий и чрезвычайно аппетитный парок.

– На вас и попробую, как получилось, – отшутился Мыльников.

– Макарошки! По-флотски, – из-за командирской спины восторженно воскликнул Альметьев. – Мои любимые!

– Это и есть обещанная вкусняшка. Соседка по лестничной клетки – Алевтина Игнатьевна – ее дверь справа от моей, наконец-то должок вернула. Верный признак того, что жизнь потихонечку налаживается.

– Еще как! – согласился секретный сотрудник.

– У нас родственники в одной деревне, – продолжил академик. – Мои забивали кабана обычно в конце мая, а ее – спустя месяц. И через односельчан, работавших в Ленин-

граде, ежегодно передавали нам гостинцы. Вот мы с Алей и устраивали, так сказать, натуральный обмен по месту жительства. Сначала я угощу ее свежиной, затем – она меня. А тут война: бац – и сломалась схема! Вы присаживайтесь, товарищи, накладывайте, кто сколько желает... Я только половину фарша использовал. Завтра еще тефтелек или же котлеток сварганю. На дорожку.

– Что ж, – поднялась со своего стула Прасковья. – Гулять так гулять! У меня для вас тоже кое-что в запасничке имеется...

Она выскочила в прихожую и спустя несколько секунд водрузила на стол высокую темную бутылку с необычно длинным и узким горлышком, которую она несколько секунд тому назад достала из своей бездонной сумки.

– Неужели обещанная настойка? – радостно потер ладони Ярослав.

– Так точно! – передразнила его Пашуто. – Я, как и вы, между прочим, слов на ветер не бросаю.

– На каких-таких ягодах? – заинтересовался академик. – А ну-ка, признавайся!

– И чего здесь только нет... – не стала таиться Паня, оседлавшая любимого (кулинарного) конька. – И травы, и коренья, и семена, а также плоды с несколькими листочками черноплодной рябины. Все наше, русское, натуральное, испытанное.

– Красотища-то какая! – довольно констатировал Нико-

лай и принялся наполнять вовремя предоставленные хозяином фужеры – нежные, воздушные, но уж больно вместительные – настолько, что за раз в них ушло все содержимое немалой бутылки. – За Победу?

– И за успех нашего безнадежного мероприятия! – хитровато улыбнулся Мыльников и, не дожидаясь остальных, пригубил напиток. – О! Знатная штука! Сладка, крепка, пахуча! Давно я такой прелести не пробовал.

– И за единственную представительницу прекрасного пола в нашем мужском дружном коллективе, – вставил Ярослав, после чего в несколько глотков первым осушил бокал.

– Короче, – за всех нас, – добавил Альметьев и сделал то же самое.

* * *

Что это было? Ранний ужин или поздний обед – никто из них так и не понял.

Да и, в принципе, какая разница?

С непривычки сразу потянуло на сон, повело-расслабило...

Дмитрий Юрьевич, несмотря на возраст, выглядел самым бодрым среди всех членов небольшой, но дружной компании. Он еще пытался наладить какие-то научные прения, что-то нес о пришельцах, Богах-планетах и гибели цивилизаций, но его никто не слушал.

Поэтому вскоре академик убрался в свой кабинет и попросил его не беспокоить.

Николай привычно дремал в широком королевском кресле.

Ярослав наводил порядок на кухне.

А Паня нашла на книжной полке какой-то древний фолиант с разноцветными рисунками и, уткнувшись в него, молча размышляла о чем-то вечном, неизменно добром и светлом.

Но уже в шесть вечера она очнулась и стала собираться домой.

Друзья предлагали остаться. Мол, последний день... Давай проведем вместе...

Однако та была неумолима.

Бедняге Альметьеву пришлось прогонять нахлынувшую дрему, покидать полюбившееся «лежбище» и провожать барышню домой.

Что он и сделал.

Глава 5

Следующие сутки были всецело посвящены предстоящему отъезду, точнее, сбору вещей в дорогу по стопам Радищева: из Петербурга в Москву. Причем академику пришлось потрудиться гораздо активнее остальных наших героев. Пять лет он не был в Первопрестольной, не виделся со своими столичными коллегами и теперь собирался «осчастливить» каждого из них ценным подарком.

Да таким, чтобы непременно подошел, понравился!

Остановился в конце концов на раритетной книге какого-то подзабытого английского философа для Лосева и совершенно сенсационной средневековой итальянской карте – для Рыбакова.

Остальным, менее выдающимся личностям, Мыльников заготовил целый портфель разных безделушек: карандашей, блокнотов, стирательной резинки или, как говорят чванлые москвичи – ластика, да прочей канцелярии, в основном импортного производства, для хранения которой, как выяснилось, был оборудован целый склад в одном из подсобных помещений его роскошных апартаментов.

Где Дмитрий Юрьевич набрал столько «хлама» (именно такое определение пришло в голову острого на язык агента), оставалось загадкой. Скорее всего, привез с многочисленных зарубежных симпозиумов, частым участником которых он

был в середине и конце славных тридцатых годов.

Какая-никакая, а все же знаменитость в научном мире!

Не забыл Мыльников и семью нашего главного героя, в квартире которого он собирался обосноваться на время поездки, «дабы почтить память моего кумира Федора Алексеевича Фролушкина и хоть немного прикоснуться к обстановке, окружавшей величайшего русского ученого».

Лично для Фигиной предназначался какой-то хорошо упакованный в тонкую и нежную бумагу набор китайской посуды, а «хлопцам» – пластилин и редкостные русские до-революционные книжки, которых оказалось так много, что можно было хоть сегодня открывать торговлю ими на какой-нибудь из быстро оживающих центральных улиц Ленинграда.

После обеда разбежались по разным комнатам (благо в квартире академика их было аж четыре). Но уже через час стали неспешно собираться в гости – на Карповку. О том, что Прасковья устроит для них прощальное чаепитие, договорились еще вчера.

Описывать, кто как сел, на кого как посмотрел и какие слова при этом произнес, не имеет никакого смысла. Выделю лишь главные тезисы состоявшейся беседы: соседка Татьяна Самойловна так и не нашлась. Пока. И... Победа непременно будет за нами! Тогда и свидимся!

На ночь, естественно, вернулись «домой». То бишь в квартиру академика Мыльникова на проспекте Карла Либкнехта, которая для командированных стала практически родной.

А там – сразу завалились спать.

Встать ведь предстояло гораздо раньше обычного. В шесть утра. Что, конечно же, не было уж очень большой проблемой ни для Ярослава, ни для Дмитрия Юрьевича.

А вот Альметьева пришлось будить.

Причем – неоднократно.

Ибо сколько его ни поднимали – ровно столько же раз он и отключался снова. Буквально через минуту.

Однако из дому вышли, как и было запланировано, ровно в девять. И вперед – «топ-топусом» (а как же иначе!) до знаменитой Свердловки.

...Виктор Степанович сидел в своем служебном кабинете за рабочим столом и делал вид, что записывает что-то в большую клетчатую тетрадь. А на самом деле доктор просто «кемарил» после очередной бессонной ночи.

Агенту пришлось громко кашлянуть, чтобы вернуть его к жизни.

– А... Это вы? – наконец поднял усталые мутные глаза военный врач. – У меня все готово.

– И не сомневаюсь, – улыбаясь, протянул руку Плечов. –

Где он?

– Васька? У себя. Палата номер шесть, – сообщил доктор, протягивая нашему главному герою свидетельство о выписке, до сего времени хранившееся между листами уже упомянутой тетради.

– По Чехову? – пошутил Ярослав.

– Нет. По нашей госпитальной нумерации, – не понял юмора доктор. – Вот здесь, пожалуйста, распишитесь. На всякий случай. Фамилию разборчиво укажите. Паренек-то, как я понимаю, несовершеннолетний. Может, еще какие претенденты на его душу объявятся?

– Не объявятся. Сирота он. Круглый... – моментально сменил веселый тон на грустный Ярослав Иванович.

* * *

Когда спустя несколько минут Плечов в сопровождении сияющего от радости Василия покинул медицинское учреждение, то первым делом стал искать глазами своего напарника Альметьева. Но того нигде не было...

На ближайшем перекрестке, где, согласно их предварительной договоренности, и должен был находиться Николай (сразу за оградой исторического помещения больницы), виднелся передок какого-то «студебекера». Ярослав уже собрался направиться к машине, чтобы поинтересоваться у ее водителя, устало покуривавшего за рулем, не видел ли тот явно

кого-то поджидавшего гражданина в штатском, когда на его плечо легла чья-то рука.

Разведчик обернулся.

Перед ним стоял... Шниперзон.

– Ваш коллега уже в кузове, – сияя, как солнце в майский день, сообщил он. – Я с мальцом лезу туда же... А вы...

– Ты! – оскалил зубы разведчик, таким образом окончательно отдавая предпочтение более доверительному стилю общения.

(С этой секунды от бывшей конфронтации между ними не осталось и следа.)

– Ты, как старший по званию, отправишься в кабину, – все же не преминул поддеть напоследок своего визави Израиль Соломонович, припоминая тому уж слишком высокомерное поведение в недалеком прошлом. – Тем более что с шофером вы уже знакомы.

– Согласен, – пропустив мимо ушей последнюю фразу, кивнул наш главный герой, не преминув, однако, добавить: – Мог бы подогнуть машину прямо на Большой, чтобы мы не били ноги в дороге. Прости за каламбур...

Добравшись до искомого автомобиля, Плечов рванул на себя его дверцу, которая, к счастью, не отвалилась (хотя для достижения такого эффекта было совсем недалеко), и оторопел от неожиданности. Ибо за баранкой «студера» гордо восседал «лихой наездник» Пашуто.

Они обнялись.

– Ну, как тебе моя красотка? – небрежно бросил Семен, запуская двигатель.

– Что или кого ты имеешь в виду? – как обычно в таких случаях, предпочел «прикинуться шлангом» Яра. – Тачку или жену?

– Супругу, конечно.

– Ну, что вам сказать, товарищ ефрейтор? Повезло тебе в жизни. Лелей и береги ее, как знамя полка.

– Согласен... Вот только я сам, так сказать, далек от идеала, – как-то уж больно горестно протянул Пашуто и сразу же привычно впихнул в рот свежую папироску. – Все пороки налицо: пью-курю... Вот только не гуляю!

– И то хорошо. Всему свое время. Взяться за ум – никогда не поздно.

– Думаешь?

– Уверен... Куда ехать, знаешь?

– У меня один годами накатанный маршрут. Ни влево, ни вправо свернуть не имею права...

– О, как ты заговорил! Стихами... Прямо Янка Купала.

– Это кто еще такой? – выбрасывая за ненадобностью очередной жеваный-пережеванный мундштук, устало поинтересовался геройский водитель и тут же, что-то вспомнив, исправился: – А... Иван Доминикович... Наш народный белорусский поэт. Он того... Из-под Молодечно, туда – ближе к Литве. – И Пашуто махнул рукой в неопределенном направлении.

– Знаю.

– Год назад вся страна была потрясена его смертью. Кстати, что там у вас в Москве с ним стряслось?

– Разбился, упавши в лестничный проем, – сухо сообщил Ярослав, которому, со слов Копытцева, были хорошо известны все обстоятельства гибели гениального земляка. – С девятого этажа. За десять, между прочим, дней до собственного шестидесятилетия.

– Не царское это дело – в чужом дерьме ковыряться... – философски изрек Пашуто. – Если классики гибнут, значит, кому-то это надо!

– Вот и я о том же, Маяковский. Береги себя... Не высовывайся слишком далеко.

– Не... Я свое место знаю! – честно признался Семен Александрович, которому были чужды всякие карьерные устремления, на которые в конечном счете и намекал его собеседник. А потом несколько неожиданно добавил: – Лучше Пани все равно на всем белом свете не найти!

– Согласен, – откликнулся Плечов.

Глава 6

Около пятидесяти верст от Ленинграда до заложённой ещё в 1323 году новгородским князем Юрием Даниловичем знаменитой русской крепости Орешек, или, как в те годы, когда происходят описываемые действия (да и сейчас!), Ключгорода (именно так переводится с немецкого его официальное название – Шлиссельбург), казалось, сложились в одну – настолько быстро пролетело время в пути.

Пашуто не замолкал и курить не переставал ни на миг, но вел машину четко, уверенно, без лишних, как он сам говорил, «телодвижений и нервов».

А у причала наших героев ждал ещё один (второй после Шниперзона) сюрприз. Хотя и ожидаемый. Катер! Вроде с виду все тот же. Не новый и весьма потрепанный в прошлых походах (видавший виды, как любят выражаться в нашем народе), но совсем не такой «раздолбанный», как некоторое время тому назад. Свежевыкрашенный, идеально вылизанный и наверняка с тщательно отремонтированной ходовой частью (правда, последнее утверждение ещё нуждалось в проверке).

И Иван Кириллович возле него ну точно как «новая копейка». Помытый, побритый, ухоженный. Василий первым узнал бравого капитана и немедля бросился в его объятия. Спустя мгновение они оба только что не рыдали от счастья.

Следующим на борт судна взошел Альметьев и сразу же принялся искать на нем самое удобное место для сна и отдыха.

А Плечов еще долго прощался на берегу. То с Семеном, то с Израилем – поочередно. Пока до его ушей не долетела капитана команда: «Отдать швартовы!» и последовавший за ней крик юнги:

– Дядя Яра! Давайте быстрее! А то еще останетесь на берегу!

– Бегу, – в рифму ответил разведчик.

* * *

Первым делом спешу признаться: никаких значимых событий по пути в Белокаменную с персонажами этого повествования не случилось.

Враг все дальше на запад; в русских городах – все тише, все спокойнее. Ярослав, правда, ни на минуту не забывал о существовании Пчоловского и все время был настороже, но «бывший коллега» себя не проявлял.

В общем, их существование на славном суденышке можно было характеризовать так: не жизнь, а малина.

«Поели? Теперь можно поспать! Поспали? Теперь можно поесть!»

Альметьев «на ура» воспринял такое положение дел и практически не выходил из Васькиной каюты, где он соста-

вил компанию законному хозяину, а вот гиперактивного (как сказали бы сейчас) Плечова поселили вместе с академиком Мыльниковым – таким же «шилом», как и наш главный герой.

Однако секретному сотруднику все равно постоянно чего-то не хватало.

Чего?

И так ясно!

Привычной бурной деятельности. «Движухи», как говорил он сам.

Хорошо, хоть Дмитрий Юрьевич все время рядом.

Вот и в первый вечер их совместного плавания академик вышел на палубу, чтобы подышать перед сном свежим воздухом спустя ровно секунду после того, как аналогичный шаг предпринял Ярослав. Естественно, между ними сразу же разгорелся очередной жаркий спор:

– А ну, дражайший, расскажите-ка мне какую-нибудь историю из нашего славного прошлого. Чтобы не терять зря время. С перчиком, с непременною изюминкой, – подначил Плечов. – Али кончились инопланетяне?

– Нет. Не закончились. Однако сегодня мне хотелось бы подискутировать о чем-нибудь другом, не менее значимом и в то же время более приземленном. Например, о целях предстоящей миссии, – элегантно «спрыгнул с темы» Мыльников.

– «Русский код», и в первую очередь Ломоносовские свит-

ки как главная составляющая успеха в деле его последующей расшифровки, – сформулировал главную задачу Ярослав Иванович.

– Да понял я, понял... – скривил рот академик. – Все их хотят. Но не все получают.

– Все? И кого вы имеете в виду, товарищ профессор? – удивленно поинтересовался Плечов. (Такого поворота в развитии событий даже он при всей своей проницательности предвидеть не мог.)

– Врагов! – многозначительно подмигнул его собеседник. – Сначала это были фрицы, а теперь к ним присоединились еще и американцы. Янки. Все хотят первыми заполучить, а после – вскрыть и понять пресловутый «русский код», познать загадочную русскую душу. Но без свитков ничего у них не выйдет.

– Согласен! – вернулся к привычной стилистике секретный сотрудник. – С этого момента, пожалуйста, подробнее. Начните, если можно, с наших заморских союзников.

– Что ж... Правильное решение... Ведь с какой стороны ни взгляни, эти парни – точно не промах. Они уже сейчас понимают, что Гитлеру – капут, и начинают потихоньку прибирать к рукам рычаги управления нашим бранным миром, собирая и концентрируя в одном месте все символы верховной власти, – выдал академик, после чего сразу же понизил голос: – Скажите... Вот вам... Приходилось бывать в Конгрессе Соединенных Штатов Америки?

– Нет, конечно. Кто ж меня, непутевого, туда пустит? – рассмеялся Плечов, с интересом ожидавший, что еще выдаст Мыльников.

– А мне приходилось... – сообщил Дмитрий Юрьевич, положив правую ладонь на сердце, как это делают заморские союзники, давая клятву своему флагу⁴.

– Ну да? – вырвалось из уст нашего главного героя.

– Причем – неоднократно. То есть дважды, – уточнил Мыльников. – В свое время мне даже посчастливилось выступить в Зале представителей, то бишь – нижней палате их парламента. С центральной трибуны, за которой сразу – флаг США. По бокам – какие-то барельефы с фасциями⁵ – ни дать ни взять Римская империя, – настойчиво продолжал вспоминать философ. – За левым – Кадуцей, библейский посох. Тот самый, с помощью которого Моисей совершал свои чудеса...

– Ну да, помню... Добывал воду со скал и рассекал Чермное⁶ море, дабы перейти через него, – уточнил Ярослав.

⁴ Такая процедура была официально утверждена Конгрессом США... в годовщину нападения Германии на СССР, 22 июня 1942 года. Очень странное, на мой взгляд, совпадение! А вы как думаете? – С.Б.

⁵ Фасция – пучки вязовых или березовых прутьев, обвязанных вокруг топора или секиры. Символ власти в Римской империи, означавший право магистрата казнить или миловать подданных. Также – официальный символ итальянских фашистов.

⁶ Никакой ошибки в написании здесь нет. Не Черное море мой герой имел в виду, а, скорее всего, Красное. – С.Б.

– Совершенно верно, – согласился Мыльников.

– А не морочите ли вы мне голову, господин хороший? – с подозрением посмотрел на него Плечов. – Что бы вы ни говорили, но данная реликвия должна храниться в Стамбуле. Обещаю: как только доберемся до Москвы, сразу помчусь в Ленинку и найду официальное фото из американского Конгресса. Дабы лично убедиться.

– Да я собственными глазами все это видел, – возмутился в ответ академик. – Вот скажи честно: разве у тебя есть хоть малейшие основания не доверять мне?

– Доверяй, но проверяй, – напомнил ему известное изречение Ярослав.

– А вот это правильно! – не замедлил с похвалой «отец-наставник».

– Тем более что, как мне кажется, Кадуцей все же принадлежал не Моисею, а Гермесу, брату Аполлона, – подsumмировал свои сомнения секретный сотрудник.

– Совершенно верно... Именно Бог торговли и счастливого случая, хитрости, воровства, юношества и красноречия – так звучат полностью его титулы в греческой мифологии – последним из небожителей владел волшебным жезлом, – кивнул Дмитрий Юрьевич, похоже, искренне радуясь многогранности познаний своего молодого коллеги (такого не обманешь, не собьешь с толку!). – А теперь включайте мозги, уважаемый соратник...

– Признаюсь, я их и не выключал, – не удержался от ре-

плики Плечов. – Ни на одно мгновение. В общении с такими интриганами, как вы, надо быть постоянно начеку! – и он широко улыбнулся.

– Ты, кстати, обращал внимание на то, что рукоять жезла украшают две змеи? – явно оценив несколько сомнительный комплимент, довольно потер руки корифей науки.

– Нет, – признался Ярослав.

– Все дело в том, что одна из них символизирует медицину, а вторая – торговлю (финансы, если хочешь), то есть главные сферы деятельности евреев.

– И о чем это говорит?

– Откроем Ветхий Завет или Тору... Что мы там находим? Что иудеи заключают соглашение с неким Богом, которого они будут считать единственным, а тот взамен научит их, как достигать своих целей, возвышаться над остальными народами Земли...

– Но вы же сами говорили, что этот Бог – Янус или Яхве... – перебил его секретный агент.

– Я? – огорченно даже удивился Мыльников, как бы мысленно поражаясь самому себе.

(Это ж надо, чтобы какой-то сосунок умудрился поймать его – академика, признанного авторитета в философской науке! – на такой нелепой неточности.)

– Да! – подтвердил Ярослав.

– Будь добр, не беги впереди паровоза. Придет время, и я все тебе объясню, – сердито пробурчал Дмитрий Юрье-

вич, пытаюсь выкарабкаться из собственноручно выкопанной ямы. – А пока... Давай вернемся к нашим баранам, то есть к свиткам.

– Давно пора!

– Чтобы осознать их важность, следует перенестись ненадолго в то далекое время, когда самого Михайла Васильевича Ломоносова еще и в помине не было на нашем белом свете...

– Давайте попробуем, – не стал спорить Плечов.

– В то время на Севере нашей необъятной Родины еще обитали люди с уникальными, удивительными способностями. Нагнать ниоткуда снежную выюгу или устроить на море шторм для них – пара пустяков, проще пареной репы, – закрутил интригу Мыльников.

– Полагаю, вы имеете в виду шаманов? – как бы между прочим вставил Плечов, направляя в нужное русло дальнейший ход беседы.

– Совершенно верно, дорогой мой друг. Выражаясь вашим языком: так точно, – по-военному подтвердил его догадку оппонент. – Так вот... Однажды группа этих самых колдунов-шаманов заявила к местному жителю Василию Дорофеевичу Ломоносову и предложила его еще не родившемуся первенцу работу, с которой, по их мнению, мог справиться только он один. В качестве аванса дали столько денег, что Василий мгновенно стал одним из богатейших людей края: заимел усадьбу с домом, пруд для рыбы и даже соб-

ственный корабль.

– Что-то такое я уже читал, – поспешил вставить неизменные «пять копеек» агент Вождя. – Кажется, у Костомарова.

– Ты прав... Именно Николай Иванович в своих трудах неоднократно намекал на подобные обстоятельства, – подтвердил «светоч философской мысли», с привычной легкостью переходя с «вы» на «ты». – Мол, корни, истоки гениальности Ломоносова следует искать на его малой родине.

– И что же эти самые шаманы хотели взамен?

– А то ты не догадываешься? – с хитрецей посмотрел на него Мыльников.

– Нет! – добродушно признался его молодой оппонент, хотя многое из того, что собирался сказать коллега, было ему хорошо известно.

Но кто-то же должен быть умнее?

И вовремя промолчать!

– Выяснилось сие через несколько лет, когда они передали Василию Дорофеевичу футляр со странными свитками, – не догадываясь о планах московского гостя развязать ему язык, спокойно продолжил объяснять свою позицию академик. – Мол, «дай сыну – пусть прочтет».

– Хотите сказать, что это были тексты мудрецов Гипербореи? – в конечном итоге все же предпочел не скрывать свою осведомленность в теме, которой он посвятил немало лет, Ярослав Иванович.

Ну сколько можно прикидываться дурачком?

Так и квалификацию утратить недолго.

– Лично у меня по этому поводу никаких сомнений нет. Особенно после консультаций с моим отцом, – с гордым видом заявил Дмитрий Юрьевич и продолжил: – Михайло вырос и подался в странствия. Не за деньгами – за знаниями. Учился он сначала в России. Потом пять лет обивал пороги иностранных университетов. И всюду возил с собой футляр с гиперборейскими свитками. Первым, кто удостоился чести их лицезреть, стал профессор Славяно-греко-латинской академии Феофан Прокопович. Он-то впоследствии и прикрыл любимого ученика, заверив руководство заведения, что Михайло – сын сельского священника (простых смертных туда не брали)! И даже помог осилить латынь – язык языков, без которого в те годы – никуда. Однако и ему не удалось расшифровать странные тексты. Феофан лишь предположил, кстати, не без оснований, что они очень напоминают писания средневековых алхимиков.

– Откуда вам все это известно, товарищ академик?

– От верблюда, – буркнул Мыльников, выражаясь явно в стиле главного героя нашего повествования. Недаром говорят: с кем поведешься – от того и наберешься. – Двугорбого... Ты меня на слове больше не лови, ладно? Не люблю я этого!

Глава 7

Лишь после того, как Ярослав Иванович клятвенно заверил собеседника, что перебивать его больше не будет, академик продолжил свой рассказ:

– *«Феофан Прокопович оказал великую услугу Отечеству – он даровал России Ломоносова».*

Некоторые исследователи жизни и деятельности величайшего русского ученого приписывают это изречение Александру Рихтеру... Однако людей с такими, как бы сейчас сказать, персональными данными в России в то время была тьма-тьмущая... Среди них – и юристы, и финансисты, и дипломаты, и прочие «известные государственные деятели». Кто из них дал столь лестную характеристику духовному наставнику Михаила Васильевича – автор этой книги так и не докопался. Но кто бы то ни был, полностью согласен с такой высокой оценкой.

«По своим воззрениям Феофан являет собой приверженца доктрины, которая признает Бога как мировой разум, который сконструировал целесообразную “машину” природы, придал ей законы и движение, но отвергает дальнейшее вмешательство его в самодвижение природы и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума. Сначала человек, по Феофану, обожествлял стихии природы, затем – отдельных конкретных людей и, наконец, абстрактные мо-

ральные качества, способности, силы человека, что говорит о человеческом происхождении веры в бога» – такой запутанный вывод сделал Ломоносов после общения с этим неординарным, высокообразованным, мудрым человеком.

«Прокопович сближает бога с закономерностью природы, материи. В связи с подобным отождествлением понятий “бог” и “природа” – они у него не только переплетаются, но и противоречат друг другу, потому как во втором случае он допускает творение мира богом, а в первом – его исключает. Если бог существует в вещах, если он сливается с природой и есть вездесущий, то без природы, без вещей нет и бога», – еще один постулат великого учителя, который Михайло запомнит на всю жизнь.

Конечно, противоречивость таких суждений была очевидна для русского гения.

Но...

Тогда ему не исполнилось еще и четверти века.

Перечить признанному авторитету, которому обязан всеми своими достижениями?

Нет. Не по-русски это.

Лучше понабратся ума-разума, послушать, разобрать, проанализировать иные – альтернативные – точки зрения и тогда уже вступить в полноправную творческую дискуссию.

Уже состоявшимся ученым.

С широко известным именем.

С выверенным личным мировоззрением и четко выра-

женной жизненной позицией.

Вот он и подался в Западную Германию, слышшую тогда центром мировой науки. Сначала занимался в Марбурге, слушал лекции по физике и химии знаменитого профессора Христиана Вольфа. И сразу же обнаружил, что некоторые научные термины и формулы весьма схожи по написанию с текстами из гиперборейских свитков.

Может быть, в них и заключается ключ к разгадке доверенной ему тайны?

Однако сам учитель лишь развел руками: *«Оставьте, друг мой. Вам этот труд не по силам».*

Не шибко огорчившись, Ломоносов переехал во Фрайбург, где продолжил совершенствоваться в различных науках, в том числе геологии и горном деле. Причем так ретиво, что профессор Иоганн Гендель даже пожаловался на буйного «гостя» в Москву. Дескать, никакого сладу с ним нету, не хочет делать то, что его заставляют, а делает, что ему заблагорассудится.

На самом деле ссора произошла из-за того, что преподаватель уж слишком настойчиво интересовался содержимым кожаного футляра и, как поговаривают некоторые злые языки, даже планировал похитить свитки. Да Ломоносов не дал.

Конечно, из дома Генделя пришлось съехать. После долгих мытарств молодой ученый нашел себе уголок в одном небогатом доме, где закрутил роман с дочкой хозяев по имени Елизавета-Кристина. Та вскоре забеременела, и любви-

обильный квартирант опять оказался на улице.

Расстроившись, он отправился в трактир, где с горя напился. И был обманом завербован в прусскую кавалерию.

Михаила бросили в темницу. А все находившиеся при нем вещи конфисковали. Но так как военные особым умом не отличались, их не сочли ценными и решили хранить до лучших времен здесь же – в комнате стражи.

Узнав о произошедшем, любящая Елизавета передала суженому кое-какой инструмент. Ученый узник сбил замок, оглушил охранника, забрал футляр, перелез через стену и был таков.

За ним, конечно, гнались, но Михайло успел покинуть пределы Пруссии.

Тем временем на его отца по полной «наезжали» северные шаманы: «Прочел ли сын наши письма»? Старик оправдывался, как только мог. Даже предложил колдунам втрое больше денег, чем получил от них ранее. Но те только отмахнулись: сведения из свитков не имели земной цены.

А чтобы поторопить расшифровщика, придумали действенный способ... Вскоре Василий Дорофеевич вышел в очередной раз в море и... сгинул без вести, а Михаилу привиделся вещий сон. Дескать, судно отца потерпело крушение в Белом море, а его самого выбросило на необитаемый остров.

Вернувшись в Петербург, Ломоносов сразу принялся наводить справки. И вскоре выяснил, что любимый тятя и в са-

мом не вернулся из плавания, в которое он ушел еще четыре месяца тому назад. Ученый подумал и тут же написал, где искать сгинувшего. Однако в указанном месте нашли только его тело.

Сам ученый намек, конечно же, понял... И начиная с 1741 года плотненько налег на работу.

Однако его усилия не увенчались успехом.

Пока...

Глава 8

Следующий обмен мнениями славные красные философы устроили уже на подходе к столице нашей Родины Москве. На сей раз инициатором научных прений выступил уже сам профессор Мыльников.

– Чтобы в должной мере осознать, какие сущности скрываются за такими звонкими именами, как Гермес, Меркурий, Яхве, Янус и другие, предлагаю окунуться в водоворот скандинавской мифологии, – почесал начинающую лысеть голову Дмитрий Юрьевич.

– Окунайтесь! – милостиво разрешил Ярослав.

– Однако перед этим все же попробую сформулировать главный принцип, которым мы должны и, с твоего разрешения, будем руководствоваться, рассматривая данную тему.

– Очень правильный подход, – не стал спорить Плечов.

– По сути, Боги, встречающиеся в эпосе наших северных соседей, те же самые, что и у других народов мира. Просто названные по-своему.

– А как может быть иначе? – продолжал бесцеремонно прерывать академика Ярослав, но тут же уgomонился и мысленно дал самому себе клятву заткнуться. Хотя бы ненадолго.

Пусть плещет, треплется, глаголет... Может, среди этого всего бреда встретится и рациональное зерно?

– Так, например, скандинавский Один – мудрец и шаман, Бог войны и победы, покровитель военной аристократии, по сути, тот же Кронос или Сатурн, – на сей раз никак не отреагировал на колкие реплики молодого и не в меру ретивого коллеги «светоч мировой научной мысли», продолжая медленно-размеренно вести свой рассказ. – Тор – из одного ряда с Зевсом или Юпитером, а Локи – не кто иной, как не единожды упомянутый Гермес-Меркурий. Все они схожи не только своим статусом в общей иерархии, но и личными качествами, характерами. Например, Зевс и Юпитер – громовержцы, а Тор – обладатель волшебного молота, при помощи которого он издает тот самый громкий звук. Гермес-Меркурий – плут, проказник и лжец, а Локи еще и предатель, вызвавший «рагнарек» (последнюю битву Богов, приведшую к концу света) и впустивший в наш мир «темных» Богов.

– Здесь справедливости ради следует заметить, что ни у греков, ни у римлян подобных историй – о предательстве или «конце света» – нет, – ухмыльнувшись, в очередной раз выложил свои возражения агент Вождя.

– Согласен! – скупой улыбнулся Мыльников, временно перенимая тактику «соперника», которая никак не подходила его словоохотливой натуре. – Однако там есть «тройная война», в которой олимпийские Боги во главе с Зевсом-Юпитером терпят поражение.

– Похоже, но не совсем то же, – прокомментировал Плечов. – Давайте лучше про Яхве-Януса. Может, хоть здесь

мы придем к общему знаменателю или, как говорят в наших кругах, консенсусу.

– Давай! Итак, имя Яхве встречается и в Торе, и Ветхом Завете, который, впрочем, является лишь скорректированной версией все той же Торы.

– А что вы хотели? Ведь сам термин «история» означает «из Торы», – снова не удержался наш главный герой. Хоть совсем недавно зарекся больше ни разу не перебивать своего авторитетного собеседника.

– Так вот... – наконец не выдержал Дмитрий Юрьевич и повысил голос, вдобавок наградив наглеца строгим взглядом. – Заветов, то есть соглашений между неким Верховным Богом и иудеями, существует несколько. Именно поэтому в Библии разделены Ветхий Завет и Новый Завет. Насколько я понимаю, это связано как раз с тем, что, когда происходила очередная смена Богов, с «главным» из них каждый раз непременно заключался новый договор. При этом Яхве-Йахве-Ягве-Иегова на самом деле вовсе не является собственным именем какой-то одной конкретной сущности. Скорее, это наименование статуса, некое обозначение того, что именно она в данный момент является главной.

– Возможно, – согласился Ярослав Иванович.

– Если посмотреть на смысловое значение данного термина в древних языках, то один из вариантов будет звучать как «Дающий жизнь, бытие». Но если происходила последовательная смена тех Планет-Богов, которые в разное время яв-

лялись центрами нашей планетарной системы, то тогда каждый из них и был по очереди тем самым Яхве. Произошла смена Звезды, новый Бог стал Яхве и, соответственно, с ним был заключен завет-договор.

– Вероятно, – опять не стал спорить Плечов.

– Исходя из вышеизложенного, можно выстроить следующий ряд верховных Божеств: Уран-Целум, потом Кронос-Сатурн, потом Зевс-Юпитер. Кстати, среди имен Юпитера, которые встречаются в старых текстах, есть вариант Иова, что переводится как «бык», но это также созвучно и с именем Иегова. Однако потом случается рагнарек – троянская война, и начинается эпоха Солнца-Христа. И тут, насколько я понимаю, все уже не так однозначно, поскольку у нас появляется Двуликий Янус...

– Да уж. Крайне любопытная личность... – в очередной раз коротко «выстрелил» Плечов.

– Прежде, чем перейти к рассмотрению ее, так сказать, по сути, давай согласуем некоторые исходные позиции, – предложил тем временем академик.

– Не возражаю...

– Тебе, должно быть, известно, что такой Бог присутствует исключительно лишь в римской мифологии.

– Конечно, известно, – признал агент Вождя.

– Ни в греческом, ни в скандинавском пантеоне аналогов нет, что само по себе уже порождает массу вопросов, – продолжал Мыльников.

– Согласен, – кивнул Ярослав.

– Если мы посмотрим на его статус в пантеоне римских Богов, то, по мнению некоторых исследователей, Янус для римлян занимал по важности второе место после Юпитера, а если смотреть на период позднего Рима, то можно даже говорить о том, что он стал главенствующим.

– Почему тогда нигде нет храмов в его честь?

– А вот и неправда. Есть! – решительно возразил Дмитрий Юрьевич.

– И где же они? – не понял секретный сотрудник.

– Рядом с нами. Практически в каждом европейском городе! – и академик снисходительно посмотрел на своего оппонента.

– Например? – был вынужден уточнить Ярослав.

– Это всем известные триумфальные арки. И, судя по их увеличивающемуся количеству, некая часть правящей элиты до сих пор поклоняется и служит Янусу, – выдал Дмитрий Юрьевич.

– Сильно! – хмыкнул Плечов. – Ни за что бы не догадался.

– По моей версии, Янус и есть та «темная» сущность, которую в нашу систему впустил Локи-Гермес-Меркурий, – продолжал Мыльников, не обращая внимания на скептицизм младшего коллеги. – Именно он начал стравливать местных Богов между собой и устроил в конечном итоге на Земле весь тот бардак, который мы с тобой и наблюдаем сейчас.

– Хотите сказать, что Янус это и есть «Антихрист», «темный Бог»? – покосился на него Ярослав, наконец-то начиная что-то понимать в новой для него теории.

– Именно! – победно выдохнул академик. – И темный потому, что у него нет собственного свечения, как у других полноценных Богов-Планет.

– Помню, – устало кивнул секретный сотрудник. – Вы говорили, что оно осталось только у Солнца и Земли.

– Да. Причем энергетическое силовое поле нашей матушки-планеты настолько ослабело, что зафиксировать его без современных приборов уже не представляется возможным.

– Понял, – тяжело вздохнул Ярослав (ох, как нелегко быть соискателем нетрадиционных философских знаний!) и предложил: – Однако нам пора закругляться. Скоро – Москва. Давайте зафиксируем вывод, на котором мы с вами остановимся, дабы продолжить прения, когда для этого представится очередная возможность.

– Фиксируй! Пользуйся моей добротой, пока я жив, – как-то уж слишком высокомерно, если не откровенно пренебрежительно (голубая кровь разыграла?) похлопал его по плечу Дмитрий Юрьевич. – Если коротко, то... Исходя из Ветхого Завета, Бог сам не привержен никаким ценностям и паству свою наставляет в том же духе. Мол, для достижения цели все средства хороши...

– Всё. Больше не могу, – схватившись обеими руками за голову, признался секретный сотрудник. – Кажется, пришло

время сделать небольшой перерыв. А то моя бедная и, по-видимому, не самая умная башка напрочь отказывается воспринимать ваши доводы и аргументы!

– И что же так поразило вас, коллега? – удивился Мыльников.

(Мол, если ты не можешь понять такие простые – очевидные даже – вещи, то что будет дальше, когда мы дойдем до сверхсложных материй?)

– Вот если Яхве – «Темный Бог», то каким образом он может быть «Дающим жизнь»? – сформулировал свои претензии к автору сомнительной теории секретный сотрудник. – Опять нестыковочка какая-то получается?

– Совсем нет, – обиженно протянул академик.

«Вот бьешься, лезешь из кожи вон, стараешься, отдаешь душу, а “воно як було тупе, так и залишилося!”⁷» – так говорила мать его матери Параска Гавриловна, уроженка Полтавской губернии, почившая накануне войны. Именно она – простая русская женщина (украинкой бабушка себя никогда не считала), сама обладавшая живым умом и всю жизнь, в отличие от самоустранившихся благородных родственников отца, старательно передавала свои уникальные способности обожаемому внуку.

– Вы неплохо знаете Тору. Однако почему-то совершенно неправильно трактуете ее постулаты, – немного помолчав, добавил академик.

⁷ Как было тупым, так и осталось (укр.).

– Ради Бога, просветите неуча! – умоляюще протянул Плечов. Хотя и явно издевательским тоном. – Я соберусь с силами и еще потерплю.

– Именно признание Янус в качестве Яхве-Иеговы и почитание Его как Высшего Божества (Всевышнего!) обеспечивает господство над всеми остальными народами Земли, а, значит, Янус становится для таких «Дающим жизнь, Бытие», – назидательно заключил Дмитрий Юрьевич. – Другими словами, та сущность, с которой заключается соглашение, становится Яхве только для избранных, а остальные продолжают считать своим главным Богом сначала Зевса-Юпитера, а затем Солнце-Христа...

– Выходит, Янус завербовал уверовавших в него в качестве своих пособников еще до мировой катастрофы? – поинтересовался Плечов, вернувшийся в дискуссию, несмотря на то что лишь совсем недавно он жаловался на перегруженность плохо работающих мозгов.

– Конечно! – обрадовался Мыльников. – Неужто дошло? Об этом прямо сообщается и в Торе, и в Библии...

– Еще один наивный вопрос можно? – как прилежный ученик, поднял руку разведчик.

– Конечно, – благосклонно склонил голову академик.

– Уточните, так сказать, для общего понимания: каким образом все же Кадуцей попал к Моисею, если иудеи заключали соглашение не с законным обладателем реликвии Гермесом, а с Янусом?

– Ну, кто такой этот Гермес в греческой мифологии? Торговец, переговорщик, посредник...

– А еще – проводник Душ в царство мертвых, – чтобы добавить себе уверенности, не замедлил вставить Ярослав, весьма неуютно чувствовавший себя в течение заключительных мгновений этого странного спора.

– К тому же он был полукровкой, сыном нимфы-плеяды Майи и Зевса, а, значит, не мог занять главенствующее положение среди обитателей Олимпа, – тут же вернул себе инициативу Дмитрий Юрьевич.

– То есть вы утверждаете, что фактически Гермес-Меркурий продался Янусу из-за жажды власти?

– Да, именно это я и хочу сказать! – с невозмутимым видом, не терпящим возражений тоном произнес академик. – Только с такой целью он стал посредником-проводником между Янусом и некоторыми людьми. А когда нужно было убедить их в безграничных возможностях нового «Главного Бога» – от его имени передал Моисею волшебный посох.

– Ну, допустим, – недоверчиво покачал головой секретный сотрудник. – А сейчас кому эти уверовавшие поклоняются? Кого считают своим Яхве? Януса или Гермеса-Меркурия?

– Ответ на этот непростой вопрос опять же следует искать в скандинавской мифологии, – приступил к подробным разъяснениям Мыльников. – Там Локи во время «последней битвы», называемой скандинавами, как я уже не раз говорил,

«рагнарек», выступает на стороне «сил тьмы», убивает в битве великана Хеймдалля, охранявшего единственный проход в Асгард, но при этом и сам тоже гибнет.

– И, убив Хеймдалля, тем самым впускает сюда «силы тьмы», которым они и поклоняются? – догадался Плечов.

– Все последующие события указывают именно на такой исход, – кивком острого подбородка подтвердил собеседник.

– Теперь мне многое становится ясным, – задумчиво молвил Плечов. – Однако... Мифы, как ни крути, они и есть мифы... Устное народное творчество. А какими событиями это подтверждено в реальности?

– Лично я полагаю, что та планета, которую мы сегодня называем Меркурием, на самом деле является мертвым планетоидом. Физическим телом погибшего Бога, – углубился в небесную мистику сторонник альтернативной философии.

– И как он... Она... Оно... Погиб... Погибла? – любопытствовал разведчик.

– По всей видимости, когда-то очень давно Меркурий столкнулся с другим небесным телом. Свидетельством тому – «пояс астероидов», обнаруженный на орбите между Марсом и Юпитером, – методично продолжил просвещать его академик.

– И какой же вывод можно сделать из вышесказанного? – не унимался Ярослав.

– Меркурий – одна из немногих планет, не вращающихся вокруг своей оси. Поэтому он всегда повернут к Солнцу од-

ной и той же стороной, — заученными фразами внушал оппоненту опытный лектор. — А это значит, что его не подпитывают эфирные вихри, которые как раз и вызывают вращение различных небесных тел вокруг своей оси.

— Но тогда получается, что, если Луна все время повернута одной и той же стороной к Земле, она тоже мертвый планетовид? — хмыкнул Плечов.

— Да, дорогой коллега, да, — довольно заметил Дмитрий Юрьевич. — Именно к такому обескураживающему выводу пришел мой друг и по совместительству один из лучших специалистов в нашей отрасли... — Он ненадолго замолчал и вдруг выпалил: — Профессор Пчоловский!

Конечно, даже не будь Мыльников выдающимся физиогномистом, он все равно не смог бы не заметить, что глаза его оппонента прямо-таки полезли на лоб.

К счастью, именно в это время (дело было вечером, часов около семи) на горизонте появились какие-то огни, свидетельствующие о приближении большого города.

— Москва! — облегченно вздохнул разведчик.

Глава 9

– А ну-ка, друзья, подскажите старику, какой у нас сегодня день? – ни с того ни с сего вдруг поинтересовался Мыльников, расправляясь уже с далеко не первой шанежкой. – Нашу чертову посудину трясло так, что сбиться со счета было совсем немудрено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.